

**КОНЦЕПЦИЯ ЦИКЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Б. ОКРИ
«ГОЛОДНАЯ ДОРОГА»: МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ
И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СТРАНСТВОВАНИЕ**

(Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. А. М. Бутырчик)

Цикличность является главной составляющей ритуально-мифологического мышления. Время в ритуале тождественно мифическому времени, времени первотворения. Согласно М. Элиаде, любые действия древнего человека в ритуале повторяют некий архетип, т. е. те действия, которые были совершены впервые каким-либо предком, богом или героем [2]. События в ритуале не просто воссоздаются, а переживаются заново. Таким образом, мифу всегда сопутствует пафос вечного повторения. Поскольку в неомифологическом романе важное место занимает реконструкция элементов мифологического сознания, то концепция цикличности играет в этом процессе одну из главенствующих ролей. В романе Б. Окри «Голодная дорога» («The Famished Road», 1991), принцип цикличности лежит в основе организации пространственно-временного континуума и в основе построения сюжета. Рассмотрим категории мифологического времени и мифологического странствования в романе как доминирующие составляющие концепции цикличности.

Опираясь на классическую схему мифа, Б. Окри в начале романа описывает модель вселенной, состоящую из мира Духов, мира Живых и промежуточной зоны, на границе миров («somewhere in the interspace between the spirit world and the Living» [3, p. 5]). Время в мире Духов и в мире Живых течет нелинейно. Для духов оно измеряется циклами рождения и возвращения в «страну всех начал». Королем страны Духов является существо, питающее особую любовь к превращениям. Его многочисленные перерождения – это акт свободной воли, в то время как для других духов, известных как Абику, – это печальная необходимость: «As we approached another incarnation we made pacts that we would return to the spirit world at the first opportunity. <...>. Those of us who made such vows were known among the Living as abiku, spirit-children. Not all people recognised us. We were the ones who kept coming and going, unwilling to come to terms with life» [3, p. 4].

Таким образом, способность перерождаться зависит не столько от духов, сколько от природы времени. Его ход идет по кругу, определяя момент рождения, смерти, возврата в страну духов и новой реинкарнации. Абику, в отличие от остальных духов, ускоряют этот круг, стремясь как можно быстрее уйти из жизни в мир духов сразу после рождения. Их протест, «suclical rebellion» [3, p. 5], направлен против циклического течения времени. Главный герой Азаро, ребенок-дух, среди разных причин, побудивших его совершить полный круг и остаться в мире живых, называет свое поражение перед «великими кругами времени»: «I was born not just because I had

conceived a notion to stay, but because in between my coming and going the great cycles of time had finally tightened around my neck» [3, p. 6].

В мире Живых жизнь людей и всего поселка измеряется циклами. Время голода сменяется временем политической борьбы, за которым следует время восстания людей, за которым, в свою очередь, следует время мщения политиков. В перерывах на людей находит забвение, «коллективный сон», после которого все повторяется сначала: «Outside, the wind of recurrence blew gently over the earth» [3, p. 183]. Указание на круговорот событий в поселке содержится в словах Азаро, который предвидит будущее: «It wouldn't be the first or the last time» [3, p. 183].

Пролепсис играет важную роль в реализации концепции повторяющегося времени. Во-первых, в романе есть прямой взгляд в будущее, в виде пророчеств и непосредственно видений будущего, которые затем сбываются (flashforward). Во-вторых, имплицитный намек на будущие события содержится в сюжетных ситуациях, действиях героев (foreshadowing). В-третьих, есть моменты «прозрения» Азаро, когда он осознает циклическое течение времени и видит в происходящем повторение древних событий и ситуаций. Рассмотрим наиболее яркие примеры использования этих приемов.

Воплощением вечной борьбы за власть является сцена драки шестерых мужчин. Вся глава (книга 3, глава 2) посвящена описанию бессмысленного и жестокого насилия, метафоры самой сущности политики («They were the interchangeable faces of violence and politics» [3, p. 192]). Эта драка предвосхищает последующие драки Папы с превосходящим противником, представляет собой обобщенный образ насилия, в котором Азаро прозревает вечно повторяющийся архетип: «Then I recognised the new incarnation of their recurrent clashes, the recurrence of ancient antagonisms, secret histories, festering dreams» [3, p. 194].

Сцена, описывающая похоронную процессию по поводу смерти одной из проституток, работающих в баре Мадам Кото, предвещает смерть водителя Мадам Кото. Обе смерти связаны с «модернизацией» жизни Мадам Кото: в первом случае, с проведением в ее бар электричества, во втором – с покупкой автомобиля. К тому же, предсказание смерти звучит из уст травника, который «освещает» автомобиль: «Unless you perform the proper sacrifice this car will be a coffin!» [3, p. 381]. В результате, водитель гибнет сам и сбивает Адэ, что является предзнаменованием последующего возврата Адэ в страну Духов. Намек на смерть Адэ звучит и в пророчестве травника, который обращается к нему и Азаро: «Very soon one of you will die!» [3, p. 382]. Перед смертью Адэ предсказывает «перерождение» Папы, судьбу Азаро и всей страны, предупреждая последующие события в романе: «There will be the rebirth of a father. A man with seven heads will take you away. You will come back. You will stay. <...> Suffering is coming. There will be wars and famine. Terrible things will happen. New diseases, hunger, the rich eating up the earth, people poisoning the sky and the waters, people going mad in the name of history, the clouds will breathe fire, the spirit of things will dry up, laughter will

become strange» [3, p. 477-478]. В предсказании содержится намек на события в других книгах трилогии, отсылающих к теме расизма, политической борьбы и разработки и испытания атомной бомбы. Адэ пророчит о том, что времена страха сменяются временем надежды и мира, за которым последует забвение, а затем история повторит себя: «Suffering people will know justice and beauty. A wonderful change is coming from far away and people will realize the great meaning of struggle and hope. There will be peace. Then people will forget. Then it will all start again, getting worse, getting better» [3, p. 478].

Азаро предчувствует перемены в баре Мадам Кото и начало нового цикла; и ему открывается видение будущего: «And when I sat up and looked around I knew we were in the divide between past and future. A new cycle had begun, an old one was being brought to a pitch, prosperity and tragedy rang out from what I saw, and I knew that the bar would never be the same again» [3, p. 220]. Предвидение нового цикла жизни Мадам Кото предвосхищает ее союз с Политиками: «She too had crossed the divide between past and future. She must have known that a new cycle had begun» [3, p. 225].

В начале книги Король Духов предсказывает судьбу Азаро, что является намеком на дальнейшие события в романе: «You have to travel many roads before you find the river of your destiny» [3, p. 6]. В конце книги Азаро чувствует, что завершается очередной цикл: «But that morning I saw the first intimations; they were not intimations of a new season of calm, but of a cycle coming to an end» [3, p. 497]. Это предвещает пробуждение Папы после долгой болезни и его «перерождение». Циклами измеряется и жизнь Папы, когда после каждого поединка он переживает внутреннее перерождение, решая стать то профессиональным боксером, то политиком, то покровителем нищих, то просветителем, а в конце романа прозревает будущее.

Весь роман можно воспринимать как один завершенный цикл, так и совокупность циклов. В рамках предсказаний, пророчеств и предвосхищений будущего происходит взаимодействие времен, что характерно для мифологического мышления.

В отличие от «Улисса» Дж. Джойса в основе романа «Голодная дорога» не лежит древний миф, однако сюжеты обоих романов по-своему воспроизводят схему мифологического странствования. Азаро рассказывает о своих скитаниях по дорогам неназванного африканского поселка, между Миром Живых и Миром Духов, что метафорически соотносится со скитанием Африки по дорогам истории. Б. Окри использует глобальную метафоризацию, сравнивая путешествие ребенка-Абику между мирами и путешествие Африки по путям истории: «Our country is an abiku country. Like the spirit-child, it keeps coming and going. One day it will decide to remain. It will become strong» [3, p. 478]. Странствия Азаро, переходя на общечеловеческий уровень, отображают бесцельное блуждание человека во времени.

Странствование Азаро не имеет цели («aimless pilgrimage» [3, p. 115]) и состоит из множества странствований, которые, в основном, строятся по схеме: уход из дома (иногда из бара) – блуждание по дорогам – преодоление опасности – возвращение. В качестве «опасности» могут выступать как

естественные факторы (потеря пути, голод), так и внешние угрозы (духи). Согласно принципу изоморфизма, сюжет выстраивается из наложения однотипных эпизодов. Так, в схему могут включаться пары похищение – спасение и преследование – спасение (под спасением понимается как побег героя, так и помощь посредника). Неоднократно герои совершают во время болезни «переход» из мира Живых в страну Духов и, преодолев препятствия в стране Духов, возвращаются в мир Живых. Помимо этого в структуре романа последовательно повторяется следующий набор мотивов, который соотносится с выделенными В. Я. Проппом функциями волшебной сказки [1]: вредительство – болезнь / наказание и вариации; борьба – победа или борьба – победа – преображение / ликвидация недостачи. Четырежды повторяется в разных вариациях эпизод поединка Папы с всесильным соперником. Подобная повторяемость сюжетных схем и мотивных пар является результатом воссоздания мифологического мышления и соотносится с концепцией циклического времени.

Сюжетный параллелизм можно проследить в следующих эпизодах. В начале романа повествуется о сотворении мира: «In the beginning there was a river. The river became a road, and the road branched out to the whole world. And because the road was once a river it was always hungry» [3, p. 3]. Попадая в мир Духов, Азаро наблюдает, как некие сущности строят дорогу в Рай. Согласно пророчеству, в тот момент, когда дорога будет построена, все они погибнут, а затем на их место придет новое поколение и начнет строительство с нуля: «...and a thousand things distract them and wreck what they have built and a new generation comes along and begins again from the wreckage» [3, p. 330]. Строительство дороги идет как и в мире Духов, так и в мире Живых. Однако потоки дождя смывают только что положенный асфальт, и воронки воды, образовавшиеся на строительной площадке, уносят жизни нескольких строителей, что является частичным воплощением пророчества. Все дороги превращаются в потоки воды, что представляет инверсию представленного в начале мифа творения: «The road became what it used to be, a stream of primeval mud, a river» [3, p. 286]. Эти примеры показывают, как в концепции мифологического времени переплетается прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, временные и пространственные характеристики в романе «Голодная дорога» находятся в тесной взаимосвязи, что особенно характерно для хронотопа дороги. Структуру сюжета можно было бы наглядно представить в виде спирали, что отражает характер отношений мифологического времени и пространства дороги. В результате, метафоризация дороги настолько обширна, что подлежит рассмотрению в отдельной работе.

Главным лейтмотивом становятся блуждания / скитания (wandering).

Важно выделить лейтмотивную фразу «Life is full of riddles that only the dead can answer» [3, p. 40], которая в видоизмененных формах появляется на протяжении всего романа: «...it may be one of those riddles of the Living that only the Living understand...» [3, p. 357], «THOSE ARE RIDDLES FOR THE TREES!» [3, p. 382] (*заглавный шрифт здесь и далее – Б. Окри*). Вариации

этой фразы присутствуют в начале или в конце некоторых глав, что обеспечивает структурный и синтаксический параллелизм:

- Книга вторая, начало главы 1: «THE WORLD IS full of riddles that only the dead can answer» [3, p. 75].
- Книга седьмая, начало главы 1: «THERE ARE MANY riddles of the dead that only the living can answer» [3, p. 427].
- Книга седьмая, конец главы 12: «There are many riddles amongst us that neither the living nor the dead can answer» [3, p. 488].

Концепция цикличности, характерная особенность мифологического сознания, реализуется на сюжетно-композиционном уровне с помощью категорий мифологического времени и мифологического странствования. Она проявляется в использовании пролепсиса, в изоморфизме основной сюжетной схемы, повторяемости событий и ситуаций, сюжетном и структурном параллелизме, лейтмотивной технике.

Литература

1. *Пропп, В. Я.* Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп – М.: Лабиринт, 2001. – 144 с.
2. *Элиаде, М.* Миф о вечном возвращении. // Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. – СПб.: Алетейя, 1998. – 249 с.
- Okri, B.* The Famished Road / B. Okri. – London: Vintage ed., 1992. – P. 500.